

ПО СЦЕНЕ шел погруженный в мысли Ленин — и на эти минуты зал перестал дышать. Замерев, подальше вперед зрители, в звенящей тишине, который почти не случается в наполненном звуками театре, властвовал тихий голос. Там, за кулисы, скрывающей затемненную рабочую часть сцены, я знала, сейчас покусывал незажженную сигарету невысокий седой человек в белом халате, Сергей Иванович Селиверстов, художник-гример. Тридцать пять лет, оданные гримерному делу, позволяли ему быть уверенным в деле рук своих. Но усложнить не позволяла требовательность художника...

ПАРИК для актера, играющего Ленина, сделал тоже он. Такова уж специфика гримерно-пастижерного отделения любого, не только оперного, театра: как свои пять пальцев обязан знать мастер внешность солиста, сообразно ей изготавливать парики, другие изменяющие облик актера пастижерные мелочи. «Здесь необходимо уточнение: изготавливать сообразно внешности, стилю эпохи и характеру роли», — это по пути в цех меня подхватывает Сергей Иванович, уже переключившийся на заботы разностного заводчанина.

Сложный, характерный грим — полностью мое. Парики готовлю только для наиболее ответственных ролей, у меня отличные помощники-мастера. Сейчас познакомьтесь.

Знакомлюсь. Самый молодой мастер — Вера Бротова. Стаж — семь лет. Начало от-

счета — с девчачьих семнадцати. Работа — любимая.

Вера занята лежащими перед ней париками. Разбираюсь с ее помощью: вот эти, золотисто-розовые, для завтрашнего «Дон-Кихота», разноцветным другим предстоит реставрация. Проворные Верины ружьи один за другим укрепля-

Вера Бротова — ученица С. И. Селиверстова. Сергей Иванович ее хвалит. Переменяя, конечно, похвалы замечаниями. Все от той же требовательности. Но говорит, что в трудолюбии, терпении, чувстве меры и чувстве такта, развитом воображении девушке не откажешь: достойный мастер.

КАКУЮ ВАМ ПРИЧЕСКУ, ДОН-КИХОТ? КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

О тех, кто создает «лицо театра».

ют парики на подставку, расчесывают, укладывают искусственные волосы в крупные завивки — «компасы». Потом, когда парик будет надет, такой завиток легко распушить, придать стрижке волнистость. Не отрываясь от работы, Вера поясняет: «Искусственный волос практичен, но вот беда: завивку держит чуть больше суток. К каждому спектаклю перечесываю. Инструменты? Обычные парикмахерские, хотя при реставрации и изготовлении нового парика используется и крючок. Им закрепляется на тыловой основе волос. То, что я сейчас делаю, несложно, нужны только терпение и некоторый навык. С нашими большими участками обслуживания — у меня миманс и хореографическое училище — знаешь, сколько надо успеть передать за вечер!»

Сергей Иванович точно определил характер своей ученицы. И все же я дополнила его: второй год Вера — заместитель секретаря комсомольской организации оперного театра. Это значит, что своей единственной выходной она делит между комсомольскими делами и заботами о прикованном к постели отце, потому что жинут они вдвоем. Свой рабочий день, точнее, вечер, она начинает на несколько часов раньше остальных. И никогда не жалуется на усталость.

На самом видном месте светлого цеха висит месячный репертуар театра. С моего интереса к нему и начался разговор с Анной Николаевной Бончревой, трудовой стаж которой подходит к пятидесяти годам. Знакомлюсь с самым опытным мастером цеха.

— Ох, уж это спешка! — со-

тует Анна Николаевна. Оказываются, сложные для мастеров пастижеров спектакли («Дарская невеста», «Отелло», «Борис Годунов», «Кармен») назначены один за другим, не предвидится ни минуты отдыха. Позже я пойму, на что еще сивовала Анна Николаевна. Она делится воспоминаниями, и весь цех принимает в разговоре живейшее участие: взглядами, восклицаниями, репликами.

— Раньше тяжелее было работать. («Тяжелее!» — эхом откликаются пожилые мастера). Много гастролировали, ездили по деревням с выступлениями. — Замолчала ненадолго. Паузу заполняют девушки: «Даже нам пришлось...»

— Ну, вам не так! («Не так», — соглашались). Мне понравилось, как новый директор театра сказал, что мы — лицо театра, красота его. И в выступлениях по деревням, как и на гастролях в Большом театре, мы не давали себе никаких поблажек. И как трудно привыкать к тому, что мы начали их себе порою давать. Разрываемся между нашими желаниями и возможностями...

В цехе асплеск голосов. Об этом не раз переговорено между собой, и все равно, видно, душа болит. Объяснение сказанному простое: если ты отвечаешь за «массовку», и на первых двадцати пяти артистах расправишь каждый волосок парика, усов, бороды, то на остальных сорока поправлять придется уже на бегу к сцене: «Большие участки работы». А потом стоять у входа, выгладывая: у одного что-то торчит, у другого, пятому вообще впору в бала сбегать —

прическа сейчас перекосятся. Вот тебе и «красота театра!»

Вижу задумчивые лица Веры Бротовой, Гали Селиверстовой, обслуживающей женский хор театра, Анны Степановны Камешковой, отвечающей за хор мужской. Вижу внимательные, немного уставшие глаза мастера Александры Ивановны Краснослабодцевой, Валентины Асеновны Петрусенко, Антонины Павловны Селиверстовой... Я ходила сегодня за ними, что называется, «по пятам», воочию убеждаясь, какого бесконечного терпения и внимательности к человеку требует их работа.

Ту же Веру, примеряя перед репетицией розовый паричок, одна десятилетняя девчушка-длинноножка обижено потянула за руку: «Почему он лысый!» Остальные девятнадцать маленьких балерин тотчас же принялись придирично разглядывать свои.

— Он не лысый, он легкий! Чтобы не отяжелять твой танец. Давай я еще расправлю затылки!..

И девчонки — длинноножки удивились, гордые сознанием своей пушистой и легкой розовой красоты. Настроение было спасено.

Вошел Сергей Иванович. Знаю: взглянув и беззастенчиво направится туда, где требуется его помощь... А вот он уже передает мастеру Тане Южакровой чертеж основы парика: «Консерватория просила срочно сделать к концерту парик японки. Пробуй!..»

О. МОИСЕЕВА,
студентка Томского университета.

Новосибирск.